

Лия. Призыв демона



Виразль де ла Фер

Virael Fer

Лия. Призыв демона, или Демоны бывают разные...

<https://litres.ru/74104003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела получить слугу. Вместо этого получила контракт с Высшим Демоном, который смотрит на нее как на забавную мышку.

Лия Солорен, юная ученица Академии Магов, совершила невозможное — призвала демона. Но вместо подчинения древняя магия навязала им обоим сделку. И теперь демон, опасный, умный и раздражающе красивый демон, требует плату, о которой она не договаривалась.

Романтическая версия истории для тех, кто любит магию, искры и чувства.

Содержание

Часть I. Демон Глава 1. Призыв	4
Глава 2. Предложение	17
Глава 3. Выполнение	30
Глава 4. Исполнение уговора	44
Глава 5. Постигание	57
Глава 6. Достижение	70
Часть	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Virael de la Fer

Лия. Призыв демона, или Демоны бывают разные...

Часть I. Демон Глава 1. Призыв

Лия Солорен

Королевство Вейндор. Человеческая Академия Магов. Квартал, где обычно селились небогатые одаренные и студенты, не способные платить за отдельное жилье. Здесь постоянно творилась магия — кто-то практиковался в иллюзиях, кто-то пытался варить зелья на подоконнике. Но то, что происходило сегодня в одной из этих мансард, было за гранью любого студенческого баловства.

Теплое, почти осязаемое золото свечного света лениво растекалось по углам сумрачной комнаты, выхватывая из тьмы корешки древних гримуаров и тяжелые, нависающие тени мебели. На полу, выведенный ритуальным углем и скрепленный свежей кровью пятипалого горного скворца, пульсировал безупречный круг призыва. Геометрия линий гудела от вплетенной в них магии, напрягаясь под колоссальным давлением извне.

Невероятно. У нее и вправду получилось!

Лия застыла, не смея сделать ни единого вдоха. Глаза девушки расширились от дикого, пьянящего экстаза, смешанного с леденящим душу ужасом, когда в центре начерченного контура начала сгущаться тьма, яростно разрывая саму ткань пространства. Заклинание сработало без единой осечки. Она — простая низкоранговая ученица, посмевавшая украсть запретный свиток высшего призыва прямо из-под носа у мастеров, — совершила невозможное.

В детстве ее отец, не самый сильный маг, так и не поднявшийся выше ступени подмастерья, каждый год водил ее на праздник основания Академии. Там, среди шумных толп и ярких магических огней, маги и чародеи, а также просто ученики академии творили разнообразные чудеса, превращая воду в вино, живое в неживое и обратно, а также призывали грозных демонов.

Лия, затаив дыхание, восторженно и чуточку испуганно сжимая отцовскую ладонь, мечтала, что однажды сама будет стоять там — и повелевать самое настоящей, живой тьмой бездны! Позже, повзрослев, она уже знала, что те демоны, в большинстве своем, были лишь искусными фантомами, но детская мечта уже пустила корни слишком глубоко. Она поклялась себе, что однажды призовет настоящего демона и станет величайшей чародейкой своего времени. И вот, ее детские амбиции казалось наконец обретали плоть!

Тьма внутри круга рассеялась, и демон полностью материализовался.

На первый взгляд его можно было принять за человека — невероятно красивого, порочного на вид мужчину с резкими, хищными и аристократичными чертами лица. Внешне ему было не больше двадцати семи. Грациозный, как пантера перед прыжком, и возвышающийся почти на два метра, он стоял в кругу пентаграммы совершенно бос. Единственной его одеждой были простая черная шелковая рубашка с растегнутым воротом и узкие, до икр, темные штаны. Еще Лия успела заметить аккуратный разрез в ткани сзади, из которого виднелся длинный, черный как полночь хвост. Он двигался сам по себе, медленно и плавно, как у кота, будто он жил отдельно от остального тела — не нервно, не угрожающе, а с той же ленивой грацией, что определяла весь его облик. Волосы демона, тоже были черные, как сама бездна, откуда он был призван. Они беспорядочно падали на лоб, но две отчетливые детали мгновенно разрушали все его человеческую элегантность. Глаза демона горели расплавленным, ядовитым золотом с узкими вертикальными зрачками, а пальцы венчали черные как смоль, острые даже на вид когти.

От него исходила такая первобытная, концентрированная опасность, что все внутри Лии сжималось в ледяной ком, а душа, о которой она до этого момента и не задумывалась, казалось окончательно убежала в пятки. Воздух в комнате, при окончательном воплощении, мгновенно стал тяжелым, густым от запаха озона и сухой, выжженной земли. Она мыс-

ленно попыталась успокоить себя: «Если наложить иллюзию на его глаза, спрятать когти... и хвост... он мог бы гулять по улицам любого города, не привлекая ни капли внимания. Из него выйдет идеальный телохранитель». Оставалось лишь прочесть формулу абсолютного подчинения и защелкнуть ментальный ошейник на шее демона.

Собрав все капли стремительно тающего мужества, Лия глубоко вздохнула, вызываяще вскинула подбородок и разомкнула губы, готовясь обрушить гроыхающую вязь заклинания. Но прежде чем она успела издать хоть звук, ленивый, насмешливый и до бесконечности усталый бархатный голос разорвал тишину комнаты:

— Ну и?

Лия поперхнулась на полуслове, закашлявшись и согнувшись пополам, мгновенно растеряв величественную грандиозность темной повелительницы.

Рейван

Высший Демон, известный как Рейван, был не просто раздражен. Он был в ярости — ярости, которую мастерски скрывал за маской ленивого, кошачьего безразличия.

Его оторвали не от дел и не от рутины преисподней. Магия призыва бесцеремонно выдернула его в самый неподходящий момент. Последние два часа Рейван вел тонкое, многообещающее соблазнение одной демонессы — диалог искрился обоюдным интересом, и дело неуклонно двигалось в нужном направлении. Еще несколько минут — и вечер увен-

чался бы достойным финалом. А теперь — разрыв реальности, чужая магия, и вот он здесь. Настроение безнадежно испорчено. Даже если он разберется с этой смертной за секунды, вернуться и поймать тот же момент уже не выйдет. Призыватель задолжал ему. И Рейван намерен взыскать этот долг сполна.

Законы мироздания были абсолютны, поэтому он подчинился зову. Еще во время перехода он, как опытный хищник, проверил пути. К его глубочайшему сожалению, и связующий контур, и защитный барьер были начерчены безупречно. Ни единой ошибки в рунах. Ни единой даже мельчайшей ошибки в начертании! Тот, кто это сделал, был либо гением, либо безумцем — что часто одно и то же.

Рейван неторопливо осмотрелся. Маленькая мансардная комната, комод, стол, пара стульев, широкая кровать у стены, свернутый ковер... и насмерть перепуганная девушка, застывшая за пределами круга призыва. Хвост Рейвана дернулся — то ли в раздражении, то ли в удивлении, а скорее всего и от того и от другого вместе. Потому что увиденное всерьез заставляло задуматься о рассудке нынешнего поколения смертных.

Он ожидал увидеть либо магистра с холодным расчетом во взгляде, с которым можно заключить пару выгодных сделок, либо прожженного контрабандиста, которому достался свиток его призыва. Но никак не то, что перед ним стояло перед ним! Ходячее недоразумение в высоком корсете, уз-

ких брюках и длинном плаще, волочащемся по полу и приоткрытым в удивлении ртом.

Девушка была настолько парализована страхом, что Рейван отчетливо видел, как дрожат ее колени, как пальцы вцепились в ткань до побелевших костяшек. И в тоже же она явно пыталась играть роль свирепой королевы — плечи расправлены, лицо застыло в надменном выражении. Но расширенные, испуганные зрачки выдавали ее с головой. Как и не зная, что королевы, а в его послужном списке были и они, так себя не ведут.

Мысленно вздохнув, он решил подтолкнуть бедняжку, пока она та совсем не хлопнулась в обморок.

— Ну и? — повторил он, скрестив руки на груди.

Смертная судорожно закашлялась, сглотнула и наконец выдавила — гордо, громко, почти визгливо:

— Назови себя, демон!

Рейван не сдержался: издал откровенную, презрительную усмешку, а затем зевок, обнажив жемчужно-белые клыки, которые были острее любого человеческого оружия.

Она что, безумна? Призвать Высшего Демона по общему ключу, даже не зная, кого именно и зачем вызывает? Судя по ее паническому тону, она не блефовала. Это означало только одно: маленькая дурочка нашла древний текст, вызубрила фонетику и прочла вслух, не потрудившись перевести или выучить условия.

Рейван медленно, плавно прошелся вдоль края круга, как

огромный, сытый кот, приглядывающийся к мыши. Хвост, плавно рассекающий воздух при ходьбе за его спиной, замер, а затем рассек воздух одним бесшумным, быстрым движением, словно подводя черту под какой-то внутренней мыслью, ударившись в защитный контур и заставивший девчонку подпрыгнуть на мете. Рейван усмехнулся. Его взгляд — тяжелый, задерживающийся, изучающий — скользнул по ее фигуре, отметив изгиб бедер и приподнятую корсетом грудь. Под этим взглядом девушка осеклась, а потом залилась густым, жгучим румянцем, и сделала робкий шаг назад, заработав еще одну насмешливую улыбку.

Он вгляделся в ее ауру, ожидая увидеть привычную грязь, которая толкает смертных на призыв сущностей Бездны. И замер.

Ментальное поле девушки было чистым. Никакой гнили, никаких следов предательства, стукачества, злословий или гнусных поступков. Гордая, амбициозная, глупая и отчаянная — но не грязная. Такой чистоты он не встречал среди людей уже очень давно. Пожалуй, с тех пор, как...

Рейван оборвал мысль. Не время.

— Рейван, — представился он, позволяя голосу рокотать низко и вкрадчиво, словно шорох первых осыпающихся камушков перед движением лавины.

Лия Солорен

В глазах чародейки мгновенно вспыхнул торжествующий огонь.

«Он назвал свое имя! Он подчиняется и не может выйти за черту!» — пронеслось у нее в голове. Внутренний ужас отступил, уступая место пьянящему торжеству. Раз это чудовище признало ее силу, пора приставить его к делу.

Собрав всю ментальную энергию, она скороговоркой протараторила формулу абсолютного порабощения. Лия вложила в слова всю волю и остатки маны, ожидая, что круг вспыхнет яростным багрянцем, защелкивая ментальный ошейник...

Ничего. Абсолютно ничего.

Защитные руны даже не мигнули. Никакой связи не возникло. Демон лишь прищурил свои невозможные желтые глаза, в глубине которых плясали искры откровенного, насмешливого веселья. Хвост вытянулся прямо — медленно, почти торжественно — и замер, указывая ей в лоб. Лие показалось, что даже хвост смеется над ней.

— Сколько тебе лет, девочка? — осведомился он. Ледяной тон Высшего Демона был настолько густо приправлен иронией, что чародейке захотелось лишь одного — топнуть ногой от злости.

— Я вам не девочка! — огрызнулась она, чувствуя, как жар стыда и гнева заливает щеки. А потом вспомнила с кем имеет дело и добавила. — И это не твое дело!

Рейван перестал ходить кругами, остановился, и медленно, демонстративно втянул воздух — совсем как хищник, пробующий след. В его желтых глазах мелькнуло нечто сред-

нее между удивлением и откровенной, издевательской насмешкой.

— О, *уже не девочка*, — протянул он с той самой интонацией, от которой хотелось провалиться сквозь каменный пол.

Лия вспыхнула так яростно, что, казалось, кончики ушей засветились. Густой, жгучий румянец залил щеки и шею. Она открыла рот, чтобы возразить — и не смогла. Потому что он был прав. И она сама попала в его уловку, как глупая мышь в примитивную ловушку.

Рейван усмехнулся — на этот раз без издевки, скорее с ленивым, почти добродушным превосходством. Он просто играл с ней.

— И все же? — продолжил он. — Мне нужно число для протокола, моя драгоценная.

— Девятнадцать, — неохотно буркнула себе она себе под нос, выравнивая дыхание и изо всех сил стараясь не смотреть на его обнаженную грудь. Или на хвост. Особенно на хвост, который теперь лениво покачивался из стороны в сторону — совершенно независимо, совершенно самодовольно.

Рейван

Рейван мысленно, строго мысленно, его лицо оставалось безупречной маской высокомерного превосходства, изогнул бровь.

Всего девятнадцать лет, а плотность ее магического ядра сопоставима с опытным адептом на грани становления ма-

стером. И она еще и невинна — нет, он не почувствовал это, как только втянул воздух. Эта была уловка, ловушка, в которую та сразу же угодила. Маленькая дурочка соврала, даже не понимая, что Высший Демон способен распознать ложь по одному лишь запаху. Потенциал девушки был астрономическим — и столь же астрономической была ее наивность.

Она явно воспроизводила в голове еще несколько заклинаний подчинения — он чувствовал, как те, яростно утыкаясь в барьер, чтобы тут же раствориться. Бесполезно. Тот самый круг, что связывал его, одновременно защищал его и от любых ее попыток стать госпожой. Как и сам контракт. Как и его опыт.

А девчонка, поняв, что ее магия бьется о каменную стену, перестала тратить силы и хмуро уставилась на него исподлобья, как потрепанный, но до жути гордый котенок.

— Хорошо, *«ужё не девочка»*, — промурлыкал Рейван, и в его голосе проскользнула та самая интонация, от которой девчонка снова залилась краской. Он лениво разглядывал свои черные когти. — Скажи мне, если позволишь... за все то время, что тебя так прилежно учили, великие маги так и не удосужились вложить в твою прелестную голову такие базовые вещи, вроде чтения и письма? Как давно ты закончила обучение? Или тебя отчислили? Или ты сбежала из академии пару дней назад?

Девушка вспыхнула так яростно, что, казалось, ее облили огнем.

— Конечно, я умею читать! — выкрикнула она, пытаясь вернуть остатки утраченной бравады, отчего становилось еще больше похожа на маленькую но гордую зверюшку. — А обучение я начала всего два года назад! И я ниоткуда не сбегала! И меня не отчисляли!!!

Всего два года?

Рейван был искренне ошарашен, хотя ни один мускул на его лице не дрогнул. С такой-то аурой девчонка обладала просто феноменальным талантом. Взять хотя бы этот круг призыва, в который он был заключен. И к тому же была невинной — что в ее случае означало не слабость, а скорее... нерастраченный потенциал. Чистый лист. Это было неожиданно. Непривычно интересно. И очень соблазнительно.

Но лучше бы ей не знать о масштабе собственной силы — иначе эго полностью ее затмит. Сила силой, а элементарных знаний ей катастрофически не хватало. Что ж, он будет искренне рад просветить эту юную леди. За определенную цену, разумеется. В надежде, что глава академии, с которым они были дружны не одну сотню лет, не откроет ему голову. Или хвост.

Демон хитро улыбнулся, отвесив легкий, элегантный полупоклон:

— Видишь ли, драгоценная моя призывательница, то заклинание, которое ты использовала, чтобы вытащить меня в это место, — Рейван демонстративно осмотрелся, заставив девчонку снова насупиться — это не просто вызов до-

машнего питомца. Это автоматическая активация контракта «Добровольного Соглашения». Его изобрели древние маги, которым, в отличие от тебя, было просто лень возиться с таким утомительным действием, как подавлением воли или рабскими ошейниками. Открою маленький секрет, который тебе, скорее всего, и не расскажут в твоей академии.

Нам, демонам, точно также, чаще всего, лень заниматься подобным. А лень, да будет тебе также известно — это двигатель прогресса. Известная еще с тех времен когда и меня на свете, то есть в бездне, не было. Тогда то родилось "Добровольное соглашение".

Концепция проста: Ты вызываешь — я прихожу. Ты излагаешь задачу и называешь цену. Я стою, слушаю и решаю, соизволю ли работать за такую мелочь. Если не согласен — ты предлагаешь другую цену. И так до консенсуса. После этого я делаю работу, ты платишь, и я исчезаю. И самая изысканная деталь — все строго добровольно. Магические круги следят за этим. Так что забудь о рабстве, маленькая ведьмочка. Можешь начинать стирать уголь.

— Ложь! — надменно бросила она в ответ, хотя голос предательски дрогнул, а колени снова начали мелко трястись.

Рейван видел: каждая клеточка ее существа кричала, что он, ужасающий, невыносимо привлекательный монстр, говорит правду. Но признать это означало признать полное поражение. Она явно не готовилась к переговорам. Она планировала щелкнуть пальцами и получить верного пса.

Рейван лишь хмыкнул, перенося вес и делая полшага вперед:

— Увы, нет. Контракт уже активен, и ты не сможешь расторгнуть его, не предложив условий — магия круга высосет твою ману, а потом и всю жизненную энергию до последней капли. И останется от одной сумасбродной ученицы академии лишь горстка пепла, а я вернуть с тому занятию, на котором меня прервал твой вызов. Но так как маленьких обижать нельзя, я все еще нахожусь тут и жду. Итак, чего же ты желаешь от Высшего Демона?

— Что... для чего вас обычно призывают? — Девушка краснела, бледнела отводила глаза и переступала с ноги на ногу. Она отчаянно пыталась выиграть время, лихорадочно соображая, как выйти из ситуации, оставшись если в выигрыше, то хотя бы без потерь.

Рейван щелкнул когтями, породив короткую кроваво-красную искру, которая растворилась в воздухе с сухим треском:

— О, спектр услуг широк. Но я превосходен в двух вещах прежде всего: устранить другого мага... или украсть то, что они охраняют сильнее всего. В этом я безупречен.

Глава 2. Предложение

Лия Солорен.

Слова демона повисли в воздухе — тяжёлые, как грозовая туча перед тем, как полыхнуть молнией и разразиться дождем.

Убить или украсть. Два предложения. Два пути. Одно слово — и Высший Демон, которого она по не знаю призвала, выполнит то, что она пожелает. Если она сумеет заплатить ему. Что же ему предложить? И какая за это будет цена?

Убить. В памяти всплыли лица тех, кто, нет, не обижал ее, но чьи действия вызывали раздражение. Например, Родерик Дарроу. С его вечной сальной усмешкой, и похабным взглядом. Сын герцога из соседнего королевства, чьих магических сил было меньше чем у нее, зато апломба и наглости имелось столько же, сколько у этого демона. Если не больше. Вспомнилось как на прошлой неделе он прижал её к стене в библиотечном коридоре и, похлопывая по набитому кошельку, предложил *"подзаработать за вечерок столько, сколько её папаша не заработал бы и за всю жизнь"*. И лишь появление мага-преподавателя помогло ей сбежать от Родерика, но его слова долго звучали в ее голове, как и жгучие слезы выступившие на глазах. Это было обидно! Очень! А еще унижительно.

Или близнецы Грейвз. Да, симпатичные. Да, сильные ма-

гически. Но совершенно не умеющие держать язык за зубами. Их шепотки за спиной — негромкие, но рассчитанные так, чтобы она слышала каждое слово, заставляли ее краснеть, опуская взгляд на свои тетради. "*Нищая простолюдинка*", "*дочь неудачника*", "*чего ей вообще надо в Академии?*". Им было совершенно неважно, что она прошла три курса за два года. Она была ниже их по социальному статусу и это позволяло смотреть на нее свысока. Пусть они не были имели статус герцога, как Дарроу, но они были баронами. Еще была графиня Морриан. Но та просто смотрела на всех, кто ниже по ее статусу, как на слуг.

Лия сжала зубы. Это было всегда. Социальный статус никогда не делал скидку на то, что в уставе академии был закон о равноправии всех учащихся. Но убивать? Она представила Родерика Дарроу, лежащего на каменном полу с остановившимся взглядом. Представила близнецов — двух весёлых, пустоголовых, но живых юношей. И неожиданно для себя вздрогнула. Бррр. Нет. Даже мысли про убийство за такое отдавало чем-то холодным и склизким. Да, ей были противны их предложения, действия и слова. Но не настолько, чтобы за это лишать их жизни. Она не убийца.

А вот украсть. Например... книги
Сердце Лии забилося чаще.

Несколько запретных фолиантов из той самой секции, куда пускали только Магистров — тех, кто уже поднялся выше десятого курса и подтвердил звание Мага. Тех, кто прошёл

весь путь. Доступ, куда Лии, ученице третьего курса, был полностью запрещен.

Ее отец провёл на ступени Подмастерья почти пятнадцать лет. Шестой курс, седьмой, восьмой, девятый Он честно пытался пройти аттестацию на Мага раз за разом — и раз за разом терпел неудачу. Нехватка знаний и нехватка силы делала все его попытки бесполезными. Лия помнила, как он возвращался домой после экзаменов: усталый, но с мягкой улыбкой, трепал её по волосам и говорил, что в следующем году обязательно получится. В следующем году. И в следующем. И в следующем. Пока однажды, когда ей исполнилось пять, он просто перестал пытаться.

И сейчас, она, стояла посреди мансарды — ученица третьего курса, уже укравшая запретный свиток, и призывавшая Высшего Демона, в нарушение всех законов Академии... Если она получит эти книги, то сможет перескочить через несколько ступеней разом. Стать Подмастерьем не к двадцати трём-пяти, а в девятнадцать. Ну, хорошо, в двадцать. Надо же еще изучить, то что демон принесет ей. Обогнать отца на десять с лишним лет и пройти там, где он споткнулся....

— Что же ты потребуешь взамен? — пробормотала она едва слышно, надеясь, что демон ее не услышит.

Она подняла взгляд. Рейван стоял опираясь на край защитного круга, будто на стену — руки скрещены на груди, голова чуть наклонена, в жёлтых глазах плясали искры ленивого, сытого любопытства. Он не сводил с нее взгляда все

время, пока она размышляла. Ждал ее ответа или ее действий. Хвост демона лениво постукивал кончиком по каменному полу — размеренно, методично, словно отсчитывал секунды. Рейван выглядел как кот, который уже знал, что мышка никуда не денется. И Лия отчетливо понимала. Мышь — это она. Но иного выхода не было. Или не могла придумать.

Собрав остатки тающего мужества, она расправила плечи и заговорила:

— Мне нужно, чтобы вы... — начала она, и голос прозвучал почти твёрдо. Но уже на следующем слове что-то надломилось. — ...чтобы ты проник в хранилище. В Запретную секцию. Там хранятся фолианты, которые...

Она запнулась. Сама формулировка — «проник в хранилище» — резанула ей слух. Это же воровство! Настоящее, преступление! Если её поймут, то не просто отчислят, а выжгут ядро и вышвырнут за ворота Академии с позором на весь Вейндор. Отец узнает, что его дочь воровка. Магистры, которые и без того её не замечали, наконец заметят — чтобы растоптать.

— ...которые мне недоступны, — закончила она почти шёпотом, опуская взгляд на собственные сапоги. Кончики ушей горели.

Рейван не шелохнулся, молча ожидая продолжения. И она заставила себя продолжать — рассказала ему про семь печатей, про допуск, который есть только для магистров, про охранные чары, про серебряные руны на двери из железного

дерева. А потом — Лия сама не поняла, как это вырвалось, — она совершила последнюю, наверно самую глупую ошибку за этот вечер.

— Что ты хочешь за это? — спросила она, поднимая взгляд. — Какова твоя цена?

Она тут же осеклась, но было поздно. Слова уже прозвучали. Где-то глубоко внутри, в том уголке сознания, который ещё не полностью парализовало страхом, раздался голос одного из наставников — магистра Лорана, читавший им курс по демонологии. *"Запомните! При вызове демона, даже самого простого уборщика, никогда, ни при каких обстоятельствах не спрашиваете, что вызываемый хочет получить! Называйте свою цену первыми. Иначе вы даёте ему право запросить всё, что угодно. И в первую очередь это касается при вызове суккуба или инкуба! Не надо хихикать! Будто я не знаю, чей вызов все ученики учат первым. И кого в магической лечебнице восстанавливают чаще всего!"*

Демон улыбнулся. Это была не та насмешливая ухмылка, что прежде. И не зевок с демонстрацией клыков. Это была хищная, почти нежная улыбка существа, которое услышал ровно то, на что рассчитывал и надеялся услышать. Лия почти физически услышала щелчок мышеловки раздавшийся в ее голове. Только вместо грызуна в ловушке оказалась она сама.

Демон выдержал паузу — ровно настолько долгую, чтобы тишина в мансарде стала невыносимой. А она уже пере-

думала в голове все возможные казни. Затем заговорил — негромко, почти лениво, словно речь шла о чём-то совершенно обыденном:

— Обычная стандартная цена за такую услугу — душа...

— Нет! — выкрикнула Лия.

Рейван даже бровью не повёл. Только хвост за его спиной качнулся — медленно, плавно, как маятник.

— ...но не нее я не рассчитываю, — продолжил он тем же тоном, каким говорят о погоде. — Твоя душа слишком... чистая. Слишком упрямая. Ты будешь за неё сражаться, а я не люблю лишние хлопоты. А в остальном...

Он оттолкнулся от дальней границы круга и подошел ближе, осматривая комнату — неторопливо, методично. Взгляд скользнул по комоду, по стопке учебников на столе, по пустым склянкам из-под зелий. И остановился на ней

— У тебя ничего нет, маленькая ведьмочка, — подытожил он. — Ни золота, ни редких камней маны, ни приличных украшений. Душу ты мне не предлагаешь, а больше... вроде как и предлагать нечего.

Он сделал крошечную паузу — и улыбнулся. На этот раз в его жёлтых глазах мелькнуло что-то новое. Не насмешка. Не угроза. Скорее любопытство — острое, почти научное.

— Посему предлагаю заменить душу телом. На одну ночь. Такая плата меня вполне устроит.

Лия моргнула.

"Телом? На одну ночь? Это как?"

В голове вихрем пронеслись обрывки прочитанных книг. В лекциях по демонологии иногда упоминались испытания, вроде тех, когда ученик должен был бодрствовать до рассвета рядом с призванной сущностью — чтобы доказать свою выдержку. Или «ночь познания» — древний ритуал, во время которого демон делился запретными знаниями с магом, пока тот не терял сознание от истощения. Может быть, речь об этом? Может, Рейван хочет провести какой-то ритуал? Передать ей часть своей силы? Или испытать её волю?

— Ну, это приемлемо — пробормотала она, и в голосе даже промелькнуло что-то похожее на облегчение. — Я думаю, что смогу

Она подняла взгляд — и осеклась на полуслове.

Рейван смотрел на неё. И этот взгляд был совершенно не похож на те, что она ловила на себе раньше. Это был не оценивающий прищур магистра, не сальная усмешка Родерика Дарроу, не презрительное равнодушие графини Мориан. И даже не насмешливый взор самого демона. Этот взгляд был другим.

Медленным. Тяжёлым. Обволакивающим.

Он скользнул по её лицу, задержался на ее губах на губах. Опустился ниже — по шее, по плечам, по линии корсета, туго обтягивающего грудь. Прошелся по изгибам талии, по бедрам, плотно обтянутым узкими брючками. В этом взгляде не было ни капли насмешки. Только откровенное, дразнящее, раздевающее любопытство — такое, от которого воз-

дух в комнате вдруг стал горячее.

Он смотрел на неё так, словно она уже не стояла посреди мансарды в полной одежде. Словно ни корсета, ни брюк, ни плаща на ней уже не было.

Лия забыла, как дышать. В голову — некстати, незвано, невыносимо — хлынули образы. Чужие. Случайные. Подслушанные краем уха разговоры старшекурсниц в библиотеке. Полустёртая страница из анатомического справочника, которую она когда-то пролистнула слишком быстро, заливаясь краской. Чей-то смех в коридоре — *«а он её прямо к стене прижал, и она такая — ох!»*. Обрывки, которые раньше казались ей далёкими и не имеющими к ней никакого отношения, вдруг сложились в одну чёткую, ослепительную картину.

Она поняла, осознала, что именно демон имеет в виду! Не ритуал. Не испытание. Не передачу знаний. Ее тело. Ее саму. В постели. С ним.

Густой, обжигающий румянец — гуще, чем когда-либо в жизни — залил её лицо целиком. Щёки, лоб, шея, даже мочки ушей — всё горело так, словно она стояла перед открытой печью. Она почувствовала, как по спине пробежала дрожь, а колени стали ватными.

— Подожди — выдохнула она, и голос прозвучал тонко, жалобно, совсем не так, как ей хотелось бы. — Что... Что ты имеешь в виду?

— Именно, то о чем ты подумала — ответил Рейван. Он

не шелохнулся. Даже хвост замер. Только глаза продолжали смотреть на неё — с тем же самым, невыносимым, откровенным выражением, от которого у неё всё внутри переворачивалось. — Ты отдашь мне эту ночь. Всю, целиком. До рассвета. Ты будешь моей — в той самой постели, — он кивнул в сторону кровати. — Таковы мои условия, *"уже не девочка"*.

Лия открыла рот — и не нашлась, что сказать.

Все слова, все ругательства, все проклятия, которым она научилась за два года в Академии, застряли где-то в горле. Она просто стояла и смотрела на него, как кролик на удава. Не зная, что и сказать на его предложение.

Рейван

Он смотрел на девчонку и откровенно забавлялся.

Это было почти неприлично — считать её с такой лёгкостью. Девятнадцатилетняя невинная соплюшка, которая ещё утром зубрила формулы и боялась опоздать на лекцию, сейчас стояла перед ним с лицом цвета спелой вишни и пыталась осознать, во что только что вляпалась. Рейван видел каждую её мысль — они пробежали по её лицу, как строчки в раскрытой книге.

Вот она моргнула — осознала.

Вот расширились зрачки — до неё дошло, *что именно* он имеет в виду.

Вот дрогнули губы — она попыталась что-то сказать, но слова застряли.

Вот она залилась краской до самых ушей — и мысленно,

наверняка, прокляла тот день, когда украла свиток.

Рейван читал её с той же лёгкостью, с какой читал умудрённых интриганов при дворах падших королей. Только там приходилось разгадывать многослойные ребусы из лжи, намёков и двойных смыслов. А здесь Здесь всё было написано огромными буквами. Крупнее, чем руны призыва под её ногами.

Стыдно? Демоны и стыд — вещи несовместимые. Но что-то отдалённо похожее на признаки смущения шевельнулось где-то на краю сознания. Впрочем, нет. Она сама назвала себя *"уже не девочкой"*. Сама, без принуждения, с гордо поднятой головой и горящими глазами. Что-ж — пусть отвечает за свои слова.

— Ты ты не можешь, — прошептала она неверяще.

— Могу, — ответил он.

Он произнёс это мягко, почти ласково, но твердо. И его тон заставил её вздрогнуть сильнее, чем если бы он рывкнул. Рейван заметил, как по её спине пробежала дрожь. Заметил, как пальцы вцепились в край плаща. Заметил всё.

— И ты, малышка, знаешь, что могу, — продолжил он, не повышая голоса. — Контракт уже активен. Ты сама спросила меня о цене — и я назвал ее.

Он позволил себе крошечную паузу — ровно настолько, чтобы она успела вдохнуть и не задохнуться от ужаса. А потом чуть понизил голос, позволив ему зарокотать где-то на грани слышимости, как дальний гром:

— Либо ты принимаешь мои условия и получаешь свои книги, — он замолчал давая ей осознать положение. — Либо сделка аннулируется, а магия круга вытянет тебя досуха. Медленно. Болезненно. До последней капли.

Она молчала.

Рейван наблюдал, продолжая читать ее эмоции.

Вот она думает о родителях, — он понял это по тому, как на мгновение смягчились её губы, а в глазах промелькнула нежность которая относится только к ним. Вот она вспомнила кого-то ещё. По тому, как сжались её челюсти, Рейван догадался: мысли скорее всего были о ком-то, кто унижал её. Возможно, и не раз. Возможно, и годами.

А вот она подумала о том, что будет, если сделка сорвётся. Побледнела.

Рейван ждал. Он умел ждать — столетия закалили это умение до совершенства. Хвост за его спиной замер, не совершая ни единого движения. Даже он, кажется, понимал: сейчас лучше не шевелиться. Пусть решает, пусть принимает решение. Выбора в котором он ей не оставил. И все же она чуть удивила его.

— Я — её голос сорвался. Она сглотнула и попыталась снова. — Я хочу кое-что прояснить.

Рейван приподнял бровь. Торгуется? После всего? После того, как он озвучил цену, а контракт уже зафиксировал её согласие на сделку в принципе? Это было неожиданно. И, пожалуй, достойно уважения. Самую малость.

— Если я если я соглашусь, — каждое слово давалось ей с трудом, и Рейван видел, каких усилий ей стоит просто произносить их вслух, — ты принесёшь мне книги. Те, которые я назвала. Из Запретной секции. И после этого я буду — она запнулась, и румянец снова залил её щёки, да с такой силой, что Рейван мысленно усмехнулся: бедняжка не может даже произнести «принадлежать тебе», — я проведу с тобой эту ночь. До рассвета. И всё — строго добровольно?

— Строго добровольно, — подтвердил Рейван. И решил чуть подсластить решение. — После выполнения задания и платы за него, контракт считается исполненным и никто никому не остается должен.

Отвечал ей без обычной насмешки. Без игры. Серьёзно. Потому что она, при всей своей наивности, при всём своём страхе, при всей своей глупой бравате, сейчас сделала то, на что решались далеко не все магистры, вызывавшие его до неё. Она не сломалась. Не стала умолять. Не попыталась обмануть. Она приняла его условия, но хотела четко очертить границы.

Девушка закрыла глаза. Сосчитала до пяти — Рейван видел, как шевелятся её губы. Открыла.

— Хорошо. — Громко и четко произнесла она. — Ты приносишь мне книги из запретной галереи, и за это я отдаю свое те... отдаю себя на оставшуюся ночь.

— Принимаю.

Слова упали в тишину комнаты, как камень в воду. Гра-

нице магического круга вспыхнула и опала, выпуская Рейвана. Контракт был принят.

Рейван улыбнулся делая шаг в ее сторону и она, точно также, сделал шаг назад. Он остановился.

— Умница, — произнёс он. — А теперь расскажи мне о хранилище подробнее. Где именно лежат твои драгоценные фолианты? И какая защита их охраняет?

Она выдохнула — не зная, что он и без неё знает ответы на эти вопросы. Что он знает библиотеку Академии лучше любого из ныне живущих магистров. Что он уже решил: она получит книги. Но не те, что просит. Лучше. Другие. Те, что действительно помогут ей взойти на следующую ступень.

Но это будет потом.

А сейчас она стояла перед ним — покрасневшая, испуганная, но всё ещё не сломленная — и собиралась рассказывать ему о хранилище так, будто он не крал оттуда фолианты ещё тогда, когда её отец пешком под стол ходил.

Рейван приготовился слушать. И, пожалуй, впервые за долгое время ему было по-настоящему интересно.

Глава 3. Выполнение

Рейван

Рейван слушал объяснения девчонки вполуха.

Не потому, что ему было скучно. Наоборот: наблюдать за ней — раскрасневшейся, сбивчиво перечисляющей охран-ные чары так, будто она лично их устанавливала, — было почти увлекательно. Но её сведения были до смешного неполноценны. Что, впрочем, было объяснимо. Она не знала и половины той защитной системы, что функционировала в библиотеке. Ни о ложных дверях на пятом ярусе, ни о зеркальной ловушке в галерее с ментальной проверкой, ни о том, что руны на двери из железного дерева меняют конфигурацию каждые шесть часов — а значит, то, что она вызубрила из учебника трёхлетней давности, или может ладе видела занимаясь в общем зале, безнадёжно устарело и не стоило ни гроша.

Он не поправлял её. Зачем? Пусть гордится своей осведомлённостью. Ему это не мешало.

Когда поток её слов наконец иссяк, Рейван оттолкнулся от стенки и направился к окну — неторопливо, грациозно, как зверь, знающий, что добыча никуда не денется.

— Все понятно. Оставайся здесь, маленькая ведьмочка. Не выходи из комнаты и не трогай уголь. Посмотрим что такое эта ваша "Библиотека знаний!" Бездна! Когда научитесь

давать названия без лишнего пафоса? Не закрывай окно, малышка!

Он не обернулся, но буквально почувствовал, как девчонка насупилась, но промолчала. Умно. Не ему ни ей не нужны лишние споры, к тому же в словах Рейвана была зерно истины.

Быстрым, слитным движением он ухватился за оконную раму. Один небрежный взмах хвоста — и железная задвижка разошлась надвое с тихим, жалобным звоном. Выскользнув на улицу, Рейван на долю секунды придержал ставню открытой, и спрыгнул.

Тьма снаружи поглотила его без следа — ни звука, ни шороха, ни движения воздуха. Только запах озона и сухой земли ещё несколько мгновений висел в мансарде, медленно растворяясь в свечном дыму.

До центральной башни библиотеки он добрался за несколько минут — не торопясь, но и не медля. Передвигаться сквозь тени было его второй натурой; в этом мире не существовало замка, способного удержать Высшего Демона. Особенно если тот знал, куда идти.

А Рейван знал.

Он знал расположение всех секций лучше любого из ныне живущих магистров. Когда-то, столетия назад, они, с нынешним главой Академии, а в то время, с молодым, амбициозным, ещё даже не вышедшим на пик силы магистром Калеасом, вместе работали над проектом Запретной секции.

Ставили печати. Вплетали заклинания в камень. Спорили до хрипоты о том, какие именно знания следует запереть от внешнего мира, а какие — оставить доступными. И тогда же, скорее из упрямства, чем из необходимости, хотя и это тоже присутствовало, они вдвоём создали тайную нишу. Настолько тайную, что о ней знали единицы из ныне живущих магов.

Рейван не вспоминал о ней. Но сегодня, слушая сбивчивую речь Лии, решил навеститься. Впрочем сначала следовало выполнить формальную часть их сделки.

Просочившись сквозь защитные чары Запретной секции, он, как вода сквозь неплотно притворённую дверь вошел в помещение. Ни одна руна не вспыхнула. Ни один страж не шелохнулся. Вековая магия, наложенная лучшими умами Академии, признала его — потому что часть этой магии когда-то была его собственной.

Книги, которые просила Лия, нашлись быстро. Четыре тяжёлых тома в кожаных переплётах, пахнущих пылью и временем. «Основы трансмутации стихийных потоков», «Трактат о подчинении воли», «Ключи к вратам восприятия» и «Свод запрещённых ритуалов третьего круга». Амбициозно. Опасно. И — что характерно — совершенно бесполезно для девчонки с третьего курса. Первый же том выжжет ей каналы маны быстрее, чем она успеет добраться до второй главы. Второй — сломает ей волю и подчинит себе. Книга имела зачатки разума. Третий просто сведет ее с ума, а последний банально убьет.

Рейван усмехнулся, укладывая фолианты в заплечный мешок, сотканный из тени. Девочка просила — девочка получит. И если свернет себе шею — сама же будет виновата. А чтобы она это сделал не сказу он поставит ограничния на тома. Маленькую метку при которой текст на страницах появится только если она способна будет его осознать. Перед тем, как покинуть библиотеку, он всё же остановился и свернул в боковой проход, скользя мимо пыльных стеллажей с надписью «Опасные артефакты — не входить без допуска магистра», и остановился возле глухой каменной стены. Там где находилось та самая, запечатаная ими секция.

Здесь не было ни двери, ни рун, ни таблички. Только старый, выцветший гобелен с изображением дракона, кусающего собственный хвост.

Рейван коснулся драконьего глаза кончиком когтя. Камень под гобеленом дрогнул, пошёл рябью — и расступился, узнав того, кому доступ был разрешен, открывая узкую, вырубленную прямо в толще стены нишу. Внутри, на единственной полке из чёрного обсидиана, лежало с десятков книг. Рейвану были нужны две из них.

Одну он знал. "Путь пустоты" — труд неизвестного мага, жившего за три столетия до основания этой Академии. Тот сумел пройти путь от абитуриента до магистра, хотя таких названий в то время как и учился он у драконов, за пять лет. И погиб на следующий день после получения звания, потому что его тело не выдержало скорости трансформации. Книга

была опасной. Но в отличие от тех четырёх, что лежали в мешке, эта хотя бы давала шанс.

Вторую он тоже знал. Тонкий, почти невесомый томик без названия, перевязанный выцветшей серебряной нитью. Это тоже был дневник. Озаглавленный "Чем я заслужил судьбу несчастного изгоя?". Рейван нахмурился. Талант. Гений. Тот что сумел понять принцип "из простого в сложное и наоборот" и адаптировав его настолько, что буквально напугал весь мир. По сути это был тот же "Путь пустоты", только описывающий все несколько в ином ключе и со стороны не природной магии, а демонологии. А у девчонки, раз она сумела не только воссоздать круг призыва, но начертить его без единой ошибки были отличные задатки, чтобы стать им.

Он сунул обе книги в мешок, и ниша закрылась за его спиной с тихим, довольным вздохом.

Посмотрев на запертую нишу он подумал о том, что надо бы было оставить весточку Калеасу, но времени не было. У него была только эта ночь. А он хотел получить еще и плату.

В мансарду Рейван влетел так же бесшумно, как и покинул её. Окно оставалось открытым — девчонка не посмела его закрыть, и это было правильно. Хвост привычно придержал ставню, пока он приземлялся на подоконник, а затем мягко скользнул вдоль рамы, проверяя, не потревожен ли защитный контур.

Не потревожен.

Рейван спрыгнул на пол и первым делом осмотрел комна-

ту.

Угольный круг был аккуратно прикрыт ковром — не сдвинут, не задёрнут небрежно, а именно прикрыт, тщательно, уголок к уголку. Сапоги исчезли. Плащ висел на спинке стула, сложенный так, как складывают вещи люди, привыкшие к порядку. На комодѣ горела единственная свеча — оплывшая, но ещё не догоревшая до конца.

Девушка спала.

Она лежала на кровати, свернувшись калачиком, подтянув колени к груди. Поза была не расслабленной, а скорее защитной — так спят те, кто боится не проснуться. Корсет она не сняла. Брюки тоже. Только волосы, влажные у лица, прилипли к щекам — похоже, она плескала в лицо холодной водой, пытаясь привести мысли в порядок. И, видимо, так и провалилась в сон — измученная, обессиленная, не в силах больше бороться со страхом.

Рейван замер у изножья кровати.

Вот как. Пока он преодолевал охранные чары, способные распылить на атомы любого смертного, эта крошка просто уснула.

Он не знал, смеяться над этим или...

Впрочем, нет. Эмоции, которые он сейчас испытывал, не были ему знакомы. Что-то среднее между раздражением и неожиданным, почти неуместным уважением. Она была напугана до полусмерти. Она знала, что он вернётся. И всё же — уснула. Не потому, что была беспечна. А потому, что её

тело исчерпало все ресурсы.

Он подошёл ближе. Наклонился. Вдохнул — и считывание пришло само собой: молодая кожа, мыло, слабый запах магического фона, почти полностью истощённого. И под всем этим — тёплый, живой страх, который она так старательно прятала за гордостью.

Коктейль был... неожиданным.

Рейван потянулся к её приоткрытым губам — просто чтобы разбудить. Просто чтобы дать ей понять: он вернулся.

Он не успел коснуться.

Из ауры девушки вспыхнул яростный магический импульс — защитный рефлекс, вбитый годами тренировок. Лия распахнула глаза и выбросила руку вперёд прежде, чем сознание окончательно проснулось. Силовая волна ударила точно в грудь — обычного человека размазало бы по стене.

Рейван поймал искру в ладонь, сомкнул пальцы и погасил её, как надоедливую букашку. Даже не покачнулся.

Лия уже отползала к изголовью, подтянув колени к груди и выставив перед собой дрожащую ладонь, готовая ударить снова. В её расширенных глазах плескалась гремучая смесь паники и ярости.

— Дерзкая девочка, — произнёс он, выпрямляясь во весь рост и позволяя уголку губ дрогнуть в усмешке. — Обожаю такой тип.

— Сначала покажи книги, — её голос, несмотря ни на что, прозвенел чистой сталью.

Рейван усмехнулся — на этот раз с искренним, почти тёплым одобрением. Даже сейчас, даже загнанная в угол, даже понимая, что через несколько минут её ждёт неизбежное, она помнила о главном. Книги. Знания. Ступень Подмастерья. Всё то, ради чего она затеяла этот безумный призыв.

Он мог бы сказать ей правду. Мог бы признаться, что контракт с самого начала был блефом — что если бы она, вместо того чтобы паниковать, спокойно прочитала формулу отзыва, он бы исчез, и её мана осталась бы при ней. Мог бы. Но не сказал.

Демоны не раздают бесплатных советов. И уж тем более — Высшие.

Смакуя паузу исключительно ради собственного удовольствия, Рейван принялся выкладывать книги на стол. Шесть фолиантов — один за другим — ложились на столешницу с глухим, весомым стуком. Первые четыре — те, что просила она. Последние два — из тайной ниши.

Лия, всё ещё сидевшая на кровати, не сводила с книг расширенных глаз. Каждый стук отдавался в её груди гулким, торжествующим эхом. Она смотрела на фолианты так, как другие смотрят на сокровища. И в этом взгляде не было ни капли притворства.

Рейван закончил. Отступил на шаг. Сцепил руки за спиной. Хвост выписывал медленные, гипнотические круги над полом.

Девушка сползла с кровати. Ноги слегка дрожали, но к

столу она подошла ровно — с гордо поднятым подбородком, с прямой спиной. Гордость не позволяла иначе. Она провела ладонью по кожаному переплёту верхнего тома — того самого, что она просила, — и Рейван увидел, как по её лицу прокатилась волна чистого, пронзительного торжества.

Настоящего. Не замутнённого ни страхом, ни стыдом, ни усталостью.

«Так вот ради чего всё это было», — отметил он про себя, с чем-то похожим на уважение.

Она потянулась открыть первую страницу, но он прехватил ее руку.

— Твоя очередь, маленькая ведьмочка, — произнёс он, и голос его прозвучал ниже, чем обычно. Где-то на грани между предупреждением и обещанием.

Лия замерла. Пальцы, зажатые в его руку, дрогнули. Медленно, очень медленно она повернулась к нему лицом. Её губы шевельнулись — то ли молитва, то ли ругательство, то ли и то, и другое сразу.

— Я признаю, что мой заказ выполнен полностью и срок. — она закрыла глаза собираясь с духом, но все же произнесла завершение условия. — И готова расплатится т.. тем, что пообещала в качестве оплаты.

Ответом на ее слова были вспыхнувшие линии круга, заметные даже под ковром и торжествующая улыбка демона.

Лия Солорен.

Я замерла. Его пальцы продолжали сжимать мое запястье — горячие, нечеловечески горячие, и от его прикосновения по коже бежали мурашки, которых я не могла контролировать. Где-то на краю сознания билась мысль: надо что-то сказать. Надо что-то сделать. Рапомнить ему, что я не какая-нибудь... что я не... Какая?

Слов не было. А действия были. С его стороны. Со стороны демона.

Его когти коснулись лица уброя прядь, что упала на глаза. Движение было медленное, почти задумчивое, но внезапно от этого жеста, простого и неожиданно бережного, у меня перехватило дыхание. Когти прошли по виску, не оцарапав кожу — он точно знал, сколько силы можно вложить в прикосновение. Слишком точно. Слишком... Я закрыла глаза прощаясь с этим миром. Я была уверена что в следующий миг его коготь пробьет мне висок... Или разорвет горло... Или....

А моих губ коснулись его. Поцелуй.

Не грубый. Не такой, как я боялась. Его губы оказались неожиданно мягкими, горячими, и они накрыли мои прежде, чем я успела дёрнуться или отвернуться. В голове что-то взорвалось — нет, не взорвалось, а скорее осыпалось, как картонный домик! Все мои страхи, все заготовленные слова, все попытки держать лицо. Все исчезло в этот миг, как дым.

Это был мой первый поцелуй. Первый!

Я не знала, что делать. Совершенно. Абсолютно. Все эти глупые разговоры старшекурсниц в библиотеке, все полустёртые страницы любовных романов, которые я листала по ночам, краснея и озираясь — всё это оказалось бесполезным. Теория разбилась о практику. Его губы двигались — требовательно, но не грубо, глубоко, но не пугающе, — и я просто... отвечала. Тело оказалось честнее разума. Тело знало, что делать. Или не знало, но пыталось.

Я издала какой-то звук — короткий, сдавленный, жалкий. Не то всхлип, не то вздох. И всё равно не отстранилась. Потому что где-то глубоко внутри, в том уголке души, который я никогда никому не показывала, мне было... интересно. Любопытно. Хотелось узнать, что будет дальше. Хотя признаться в этом даже самой себе было стыдно до дрожи.

Когда он наконец отстранился, я поняла, что совершенно забыла, как дышать. Воздух ворвался в лёгкие рывками, неровно, и я закашлялась бы, если бы не парализующее осознание: мои щёки пылали. Не просто горели — они пылали так, словно я стояла лицом к раскалённой печи. Жар растёкся вниз по шее, затопил ключицы, пробрался под ворот корсета. И слова демона действовали как ушат воды.

— Нет, — сказал он. — Так не пойдёт.

Я вздрогнула. Что — не пойдёт? Что я сделала не так? Я же... я ответила! Я старалась! Или этого было недостаточно? Или я всё испортила своей неловкостью?

Он поймал мой подбородок пальцами — не больно, но крепко, — заставляя смотреть в его жёлтые демочнические глаза, что были совсем близко. В них плясали те же искры, что и прежде, но теперь к ним добавилось что-то ещё. Не насмешка. Скорее... предвкушение?

А потом его хвост обвился вокруг моей талии..

Тяжёлый. Тёплый. Совершенно бесстыжий, потому что кончик прокик сквозь блузку и прошелся по коже в районе пупка вызывая мурашки.

Я дёрнулась — и замерла. Не потому, что хотела сбежать, да и бежать то было некуда. Нет, хвост не сжимал, не давил, а просто лежал. Как мягкий меховой воротник. Как... объятие? Демоны не обнимают. Наверное.

— От тебя требуется значительно больше участия, — промурлыкал Рейван, отпуская мой подбородок и делая шаг назад. Хвост тоже исчез, и это показалось мне обиднее всего!

Рейвон развел руки в стороны — широкий, открытый жест существа, который умеет ждать и знает, что дождётся. Хвост за его спиной дёрнулся резко и лукаво, и кончик его мазнул по моему бедру — быстро, почти случайно. Или не случайно. Он стоял возле открытого окна как бы приглашая меня. ВОт только к чему?

— Ну же. Соблазни меня... *"уже не девочка"* — В его голосе звенела та самая, знакомая уже интонация — насмешливая, но не злая. — Или в вашей академии вас только пыль со свитков сдуть учили?

Я открыла рот. Закрыла. А еще эта издевательская интонация. Хотя я сама виновата, что называлась так. Но... Соблазнить? Я?! Я, которая сегодня впервые в жизни поцеловалась? Я, которая до этого вечера даже не думала о том, что когда-нибудь окажусь в одной комнате с женщиной, не говоря уже о... о таком?

В голове билась только одна мысль:

"Я не умею. Я не знаю как. Он поймёт, что я ничего не умею, и будет смеяться. Или разозлится. Или..."

И следом за ней другая. более трезвая.

"Он же точно уже все и так понял! Тогда зачем он меня провоцирует и издевается? Ах, да. Он же демон!"

Рейван стоял и смотрел на меня. Ждал. И в его ожидании — терпеливом, спокойном, уверенном — было что-то, что странным образом придавало сил.

Я сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Мои ноги всё ещё дрожали, колени подгибались, но я заставила себя подойти к нему вплотную — так близко, что почувствовала жар, исходящий от его тела. Запах озона и сухой земли окутал меня с головой. Я призналась.

— Я... — начала я, и голос сорвался. — не умею... соблазнить.

Он приподнял бровь.

— Я заметил.

— Но я... — Я сглотнула. — Я могу попробовать.

И прежде чем страх успел остановить меня, приподнялась

на цыпочки, положила ладони на его плечи — боги, какие они были горячие, какие твёрдые — и поцеловала. Сама. Как смогла.

Неумело. Неловко. Ткнулась губами в угол его губ, едва не промахнувшись мимо цели. Почувствовала, как он усмехнулся — не вслух, а кожей, движением мышц под моими пальцами. И всё равно не отстранилась.

Потому что он был прав. Я сама заключила эту сделку. И я собиралась её выполнить. Даже если мне предстояло научиться всему прямо сейчас. С нуля.

Глава 4. Исполнение уговора

Лия Солорен.

Демон не ответил на мой поцелуй. То есть как — он его принял. Не отстранился. Не усмехнулся. Но и не ответил так, как в первый раз и как я хотела. Чтобы это снова было глубоко, требовательно, заставляя забыть, как дышать. Но он просто позволил мне это сделать. И от этого становилось чуть-чуть обидно.

Я отстранилась — мокрые губы, пылающие щёки, колотящееся где-то в горле сердце. Подняла на него взгляд. Рейван смотрел на меня всё с тем же выражением — ленивым, кошачьим, изучающим. В его глазах горело что-то новое. Не насмешка. Не предвкушение. Скорее — любопытство. Словно он смотрел на задачу, которая оказалась чуть интереснее, чем он предполагал.

— Уже лучше, — произнёс он. — Но всё ещё недостаточно.

— Я же сказала, я не...

— Я помню, что ты сказала. — Он чуть склонил голову набок. — Но ты ведь не собираешься останавливаться на полпути?

Я сжала кулаки. Разжала.

Невыносимый. Самодовольный. Невозможный.

Ладно. Пусть так.

Дрожащими пальцами я схватилась за края его шёлковой рубашки. Пуговицы были мелкими, неудобными, и пальцы не слушались совершенно — то ли от страха, то ли от того, что я никогда в жизни не расстёгивала рубашку на мужчине. Еще и в такой ситуации. Что я в этот момент думала лучше не рассказывать. И в тоде время внутри меня появился какой-то... азарт. Мне самой стало интересно: "*А чем все закончиться?*" То, что в эту ночь я расстанусь с невинностью, я уже поняла, и даже чуточку поплакала по этому поводу. Не сильно, я никогда не верила в сказки про "единтвенного и любимого". К тому же, я знала, что среди магов в ходу более свободные взгляды на "честь" и "моральные устои". Но все равно было несколько обидно расставаться с невинностью так. А еще страшно. Но я сама виновата. Я даже использо-вала зелье памяти и воспроизвела в сознании полный текст свитка, включая то, что было написано мелким шрифтом. И поняла, что могу отказаться от сделки хоть сейчас. Но я уже не хотела от нее отказываться.

Первая пуговица поддалась не сразу. Вторая — ещё хуже, я едва не выдрала её с мясом. От третьей я чуть не отказалась — потому что почувствовала, как он смотрит на меня, и осознала, что мои пальцы дрожат, а костяшки касаются его груди, и кожа под тканью была нечеловечески горячей.

Я старалась не думать об этом. Не получалось. Рубашка разошлась и я потянулась к коже демона губами, покрывая ее поцелуями, ведя их все выше. Чтобы дотянуться до его губ,

мне пришлось встать на цыпочки. Разница в росте была уни-
зительной — он возвышался надо мной, как башня, и даже
когда я вытянулась в струнку, мои губы доставали только до
его подбородка.

Я прижималась быстрыми, неловкими поцелуями — к
подбородку, к уголку губ, к шее, куда смогла дотянуться. Это
было ужасно. Неуклюже. Я злилась на собственную нелов-
кость, на то, что не знаю, куда деть руки, на то, что дышу
слишком громко, на то, что он наверняка сравнивает меня с
кем-то — с кем-то, кто умеет это делать правильно.

Рубашка наконец соскользнула с его плеч и бесшумно
упала на пол. Замерла.

До этого мгновения его тело было просто... телом. Чем-то
абстрактным, скрытым под чёрным шёлком. Теперь оно ока-
залось прямо передо мной. И оно было... нечеловеческим.
Не в том смысле, что уродливым или пугающим — наоборот.
Слишком красивым. Слишком совершенным. Линии мышц
проступали под гладкой кожей так чётко, словно их рисо-
вал скульптор, одержимый идеей идеальной формы. Но при
этом в нём не было ни капли человеческой теплоты — той,
что смягчает черты, делает их живыми, настоящими. Он был
прекрасен как застывшая музыка. Как оружие. Как хищник,
замерший перед прыжком.

От его тела шёл жар. В прямом смысле — мои ладони,
всё ещё касавшиеся его плеч, чувствовали тепло, как от на-
гретого солнцем камня. Нет, горячее. Как от печи, которую

только что растопили. Жар пульсировал под кожей, живой, ритмичный, я поняла — он дышит в одном ритме с этим жаром, или жар дышал в одном ритме с ним.

А еще я обратила внимание на узоры.

Тонкие, светящиеся линии — тёмно-зелёные, почти изумрудные, с вкраплениями золотого. Они вились по его груди и плечам, но не были хаотичными. Они складывались в символы, в подобие вязи, переплетаясь, расходясь, снова сходясь, словно строки древнего манускрипта, написанного на живом теле. Узоры спускались ниже, к животу, обвивали рёбра и исчезали под поясом брюк, чтобы, как я догадалась, проступать дальше — по бёдрам, по спине, по хвосту.

Я смотрела на них, не в силах отвести взгляд, и вдруг поняла: это не татуировки. Не магические печати. Это — часть его сути. Его демонической природы, проступившей наружу.

Они пульсировали — медленно, в такт его дыханию. Разгорались ярче, когда он вдыхал, и почти угасали, когда выдыхал. Словно второе сердце. Словно он был не просто живым существом, а ходячей картой какого-то нечеловеческого мира.

— Нравятся? — раздался его голос над моим ухом.

Я вздрогнула. Оказывается, пока я стояла и пялилась на него, как на музейный экспонат, уже несколько секунд он тоже зря времени не терял. Моя блуза была расшнурована, а пуговица на брючках расстегнута. А я это даже не заметила. Но в данный момент узоры меня интересовали больше.

— Я... — Я сглотнула. — Я просто никогда не видела таких рун.

— Потому что их нет в твоих учебниках. — В его голосе промелькнула знакомая насмешка, но на этот раз мягче. — Это язык Бездны. А также статус того места, откуда я родом. Каждый Демон носит на себе такой узор — уникальный, как отпечаток пальца у людей. И чем больше ты сможешь прочесть, тем выше твой статус.

Я невольно подняла руку и едва не коснулась одной из линий на его груди. Остановилась в последний момент.

— Можно? — спросила я шёпотом.

Он чуть склонил голову — не кивок, но позволение.

Я коснулась. Кончиками пальцев, едва-едва. Кожа под узором была ещё горячее, чем везде, и пульсация отдавалась в мои пальцы, как слабый электрический разряд. Линия под моим прикосновением вспыхнула ярче — и я отдёрнула руку.

— Они реагируют на прикосновения, — пояснил Рейван. — На эмоции. На магию.

— Красиво, — выдохнула я. И тут же залилась краской, поняв, что сказала это вслух.

Рейван усмехнулся.

— Ты хотела соблазнять меня, а вместо этого изучаешь как артефакт. Это... неожиданно.

— Я не специально! — выпалила я, отдёргивая руку. — Просто я никогда...

— Я понял. — Он перехватил моё запястье — мягко, но крепко. — Ты никогда. Но сейчас не время для лекции по демонологии.

Он притянул меня ближе. Жар его тела окутал меня целиком, и узоры на его груди засияли ярче — зелёное золото, пульсирующее в такт моему собственному сердцу. Я чувствовала их тепло даже сквозь корсет. Который тоже оказался расшнурован.

— Продолжай, — сказал он. — Но, пожалуйста, без лекций. Договорились? Иначе я все сделаю сам. Так как хочу я.

Я кивнула, не доверяя собственному голосу. Он давал мне вести, но прямо указал на обратное.

Я вновь прижалась губами к его коже — к ключицам, к груди, туда, где узоры сплетались в самый плотный узел. Я заставляла себя не останавливаться, хотя внутри всё сжималось от осознания: я целую демона. Я, Лия Солорен, ученица третьего курса, целую Высшего Демона, которому продала эту ночь. И он красив. До дрожи. До какого-то отчаянного, незнакомого мне прежде чувства, похожего на голод.

Над моей головой раздался тихий, низкий звук — не рык, а скорее выдох, глубокий и довольный. Он завибрировал где-то внутри меня, глубже, чем я готова была признать. Я почувствовала как с меня падает корсет, как блуза повисает на локтях и опустила руки позволяя ей упасть на пол, чтобы в следующий миг обнять, прижаться к горячему телу Рейвана, не делая его отпускать.

— Не останавливайся, — пробормотал он, надавливая мне на плечи и заставляя опуститься..

И в его голосе не было насмешки. Только ободрение — или что-то, что можно было принять за него. Я на мгновение закрыла глаза, напомнив себе как мантру.

«Я сама сделала выбор. И должна выполнить условия сделки».

Вдох. Выдох. Я опустилась перед ним на колени.

Мои ладони, влажные от нервного пота, нашли ремень его брюк — узких, тёмных, плотно сидящих на бёдрах. Пряжка была холодной, и этот контраст с его горячей кожей заставил меня вздрогнуть. Я потянула ремень — он поддался. Костяшки пальцев скользнули по обжигающей коже его живота, и я отдернула руку — слишком быстро, слишком испуганно.

Рейван не двигался. Он стоял надо мной — высокий, неподвижный, как изваяние — и ждал.

Я зажмурилась. Заставила себя снова протянуть руки. Снова коснуться ткани. Снова потянуть.

Ремень растянулся.

Ткань брюк зашуршала под моими пальцами, и я потянула её вниз — медленно, потому что не знала, что увижу, и боялась этого больше всего на свете. Рейван легко переступил, освобождаясь от одежды, и отбросил её небрежным движением босой ноги.

Я не открывала глаза.

— Посмотри на меня, — произнёс он.

Не приказ. Просьба.

Подняла веки — медленно, нехотя, словно шла на эшафот. И увидела.

Моё лицо, наверное, изменилось так резко, что это было заметно даже при свечах. Потому что Рейван усмехнулся — но как-то иначе. Не насмешливо. Скорее... снисходительно. Как смотрит взрослый на ребёнка, который впервые увидел что-то, что давно пора было увидеть.

— Не бледней так, маленькая ведьмочка, — протянул он.
— Я не собираюсь делать тебе больно.

Я сглотнула. В горле пересохло.

Он не собирается делать больно. Это прозвучало почти... заботливо? Нет. Невозможно. Демоны не заботятся.

И всё же — его хвост, тот самый хвост, который только что лукаво скользнул по моему бедру, теперь неподвижно лежал на полу, обвив мою лодыжку. Не сжимал. Не удерживал. Просто лежал. Словно молча говорил: я здесь. Я рядом. Всё будет хорошо.

Я не знала, верить ему или нет.

Но выбора уже не было. Сделка заключена. Книги лежат на столе. А я стою на коленях перед Высшим Демоном, и единственное, что отделяет меня от выполнения контракта — это мой собственный страх.

— Я... — начала я и осеклась. — Я не знаю, что делать дальше.

Рейван наклонился. Его лицо оказалось совсем близко — жёлтые глаза, вертикальные зрачки, острые клыки, которые он не прятал. Узоры на его груди пульсировали мягким, успокаивающим светом.

— Я знаю, — сказал он. — Поэтому доверься мне.

Я всё стояла на коленях, не решаясь пошевелиться. Его слова — «доверься мне» — звучали в ушах и я понимала, что дальше отступать некуда. Только вперёд. Через собственный страх и нерешительность. Ведь дойдя до этого момента уже нельзя было повернуть назад.

Где-то в глубине сознания билась мысль: это унижительно. Это грязно. То, о чём шептались старшекурсницы, хихикая и краснея, — и то, что я сама всегда считала чем-то недостойным. Чем-то, чего я не сделаю никогда и ни за что.

Ага. Никогда. Рука сама поднялась и коснулась его.

Жар опалил пальцы. Он был горячее, чем я ожидала, — не просто тёплый, а обжигающе горячий, как нагретый на солнце металл. Но при этом — живой. Я чувствовала, как под моими пальцами бьётся пульс — медленный, глубокий, нечеловеческий. И этот пульс отдавался во мне самой, где-то глубоко внутри, разгоняя кровь быстрее, чем мне хотелось бы признать.

Я сделала вдох. И подалась вперёд.

То, что последовало дальше, не было похоже ни на что из того, что я могла вообразить. В моей голове это всегда рисовалось как что-то мерзкое — унижительное, грязное, причи-

няющее дискомфорт. Но реальность оказалась... другой.

Вкус. Он был совершенно не таким, как я ожидала. Никакой горечи. Никакой тошноты. Вместо этого — что-то странное, чужое и при этом удивительно... приятное. Смесь озона после грозы, дикой мяты и чего-то ещё — тёмного, сладковатого, дурманящего. Вкус, который не принадлежал этому миру. Вкус, который проникал глубже, чем просто на язык, — он растекался по телу тёплой волной, заставляя забыть о страхе.

Где-то внизу живота разливается тепло — тяжёлое, томное, совершенно незнакомое мне прежде. Это пугало. И одновременно — завораживало. А потом я ощутила хвост. Он решил также принять участие.

Кончик скользнул по моей лодыжке, обвился вокруг нее, не сжимая, не удерживая, и двинулся выше. Медленно. Почти лениво. Его прикосновение было неожиданно мягким — тёплым, гладким, с едва уловимой текстурой, которая совсем не раздражала кожу. Скорее наоборот.

Я дёрнулась, и замерла, потому что хвост уже обвил моё бедро, и прошелся по чувствительной коже поясницы. Он не делал мне больно. Не вторгался силой. Он просто... был. Словно успокаивал. Словно говорил: не бойся. Всё правильно.

Но на этом он не остановился, он пробрался ниже, туда, где ткань брюк раньше плотно облежала мои бёдра. Я захотела сжать колени, но не стала, понимая, что это не станет

преградой, а только препятствием. Ни плотная ткань, ни мои попытки отстраниться, ни стыд, заливающий мои щёки краской. Кончик хвоста, коснулся меня там, где я никогда не позволяла касаться никому, и замер напротив того самого места, пульсируя в такт моему пульсу. Эта пульсация отдавалась во мне вспышкой, маленькой молнией, пробежавшей по позвоночнику. Хвост словно знал меня лучше, чем я сама. Он находился в точке, о существовании которой я даже не подозревала, и каждое его прикосновение заставляло меня вздрагивать, теряться, забывать о том где я, и что я делаю.

Я оказалась в ловушке. Но эта ловушка не пугала. Она... дразнила. Распаляла. Заставляла меня хотеть большего — хотя я даже не понимала, чего именно хочу. Это совершенно новое для меня ощущение, которому я не могла дать названия, туманила и без того уже мало что соображаю голову. Не просто удовольствие. Что-то более глубокое. Более тёмное. Более древнее.

Забыв о стыде, забыв о страхе, забыв о том, что ещё несколько минут назад считала это унижительным, — я продолжила. Увереннее. Глубже. Не потому, что должна была. А потому, что хотела. Ритм участился — мой, его, наш общий. Его дыхание изменилось — стало глубже, тяжелее. Узоры на его груди вспыхивали всё ярче, пульсируя в такт моим движениям. Хвост, обвивавший моё бедро, напрягся — и это напряжение передалось мне, как электрический разряд.

А потом мир взорвался.

Нет, это было не больно. Это было... ослепительно. Он что-то произнёс — низкое, гортанное, нечеловеческое, — и в тот же миг я почувствовала, как по моим венам прокатилась волна чистой, обжигающей силы. Вкус, который я ощутила до этого, усилился стократно — озон, мята, мускус, — но теперь к нему добавилось что-то ещё. Что-то, что невозможно описать словами.

Магия.

Она хлынула в меня — горячая, искрящаяся, живая, — и я ощутила, как мой резерв, почти полностью опустошённый этой ночью, начал стремительно наполняться. Не просто возвращаться к исходному уровню. Расти. Шириться. Расширяться. Моё магическое ядро, моя суть — всё это вдруг стало больше, чем было. Намного больше.

Голова закружилась. Перед глазами поплыли круги — зелёные, золотые, фиолетовые. Я почувствовала, как какая-то часть его осталась со мной — не просто магия, а что-то более личное. Частица его сути. Искра Бездны, зажжённая внутри меня.

Рейван тяжело дышал. Его хвост всё ещё обвивал моё бедро, но теперь расслабленно, почти нежно. Узоры на груди медленно гасли, возвращаясь к своему обычному ритму.

Я сидела на полу, пытаюсь отдышаться. Во рту всё ещё был этот вкус — и он мне нравился. Губы припухли. Сердце колотилось где-то в горле. Но самым странным было другое: мне не было стыдно.

Совсем.

Я подняла взгляд на Рейвана. Он смотрел на меня всё с тем же выражением — ленивым, кошачьим, — но теперь к нему добавилось что-то новое. Что-то похожее на одобрение.

— Неплохо для первого раза, — произнёс он. — Но ты же понимаешь что это только начало?

Я сглотнула. Начало? Что же тогда будет дальше?

Но спрашивать не стала. Вместо этого я облизнула пересохшие губы и снова почувствовала тот самый вкус. Озон. Мята. Тёмная сладость. Магия.

Глава 5. Постигжение

Рейван

Мда, уж. Девчонка была совершенно неопытна.

Я смотрел на неё и вспоминал искушённых демонесс Бездны. С их отточенными веками движения, с их умением превращать близость в искусство, — и лишь усмехался про себя. И пусть сравнение вышло не в пользу этой маленькой ведьмочки, всё же... что-то в её неуклюжести цепляло. Невинная, гордая, напуганная до полусмерти. И при этом упрямая, не сломавшаяся, и твёрдо уверенная в тех ценностях, что ей вбили в голову. Она делала то, чего никогда не делала прежде, и делала это с упрямством, достойным уважения.

Когда всё закончилось, она сидела на полу, пытаясь отдышаться. Губы припухли, щёки пылали, в глазах плескалась гремучая смесь стыда и удивления — удивления от того, что ей, кажется, понравилось. Она не видела, как её резерв пульсировал, впитывая мою сущность, расширяясь с каждой секундой. Это была маленькая тайна, и одна из основных причин, почему маги так жаждали вызывать нас в этот план бытия. Вот только вызывать надо не мелких демонов и демониц. А таких как я, высших. Но не время размышлять сейчас о таком. К тому же ночь ещё не окончилась и нас ждёт ещё несколько приятных часов. По крайней мере для меня.

Я подхватил её на руки — легко, как пушинку. Она ох-

нула, вцепилась пальцами в мои плечи, но не сопротивлялась. Два шага — и вот я укладываю её на кровать: узкую, продавленную, с простынями, пахнущими дешёвым мылом и сушёными травами. Не самое изысканное место для того, что будет дальше, но выбирать не приходилось.

Девчонка смотрела на меня снизу вверх. Глаза расширены, губы приоткрыты, а пальцы, вцепившиеся в простыню, напряжены до предела. Она лежала передо мной полуобнажённая: корсет и блузка остались на полу, на ней были только узкие брючки. В её глазах, как и в ауре, снова мелькнул страх. Она ждала грубости. Возможно, даже боли. Но смысла в этом не было никакого.

— Расслабься, — сказал я, наклоняясь к её лицу. — Я не собираюсь делать тебе больно.

Она не поверила. Но по крайней мере перестала дрожать так сильно. Мои пальцы нашли пояс её брюк. Ткань была тёплой, влажной от её напряжения. Я потянул вниз — медленно, не отрывая взгляда от её зелёных глаз. Она не выдержала и зажмурилась, но не остановила меня. Брюки скользнули вниз, открывая бёдра, колени, щиколотки, и упали на пол.

Теперь она лежала передо мной полностью обнажённая. Белья под брючками не оказалось. Я позволил себе задержать на ней взгляд. Всё же она была красива — не той броской, вызывающей красотой, которую можно видеть при дворах падших королей. Другой. Тонкая, изящная, с острыми

ключицами и маленькой грудью, которая вздымалась в такт её неровному дыханию. И глаза — огромные, зелёные, испуганные, вновь смотрящие прямо на меня.

Я наклонился и поцеловал её. Не так, как в первый раз — требовательно и глубоко. Мягче. Давая ей время привыкнуть. Её губы дрогнули под моими, и через мгновение она ответила — неуверенно, неловко, но искренне. Её рука скользнула по моему плечу, задержалась на шее.

Я оторвался от её губ и двинулся ниже. Целуя горло, ключицы, спускаясь всё ниже. Она вздрагивала от каждого прикосновения, а её дыхание становилось всё более рваным. Её кожа была горячей, солоноватой на вкус, и пахла мылом, магией и чем-то ещё — чем-то, что заставляло меня продолжать. Её запах менялся по мере того, как страх уходил: соль и дешёвое мыло уступали место чему-то более глубокому — мускусу, магии, теплу.

Я спускался ниже. По животу, по рёбрам. Её тело отвечало мне — не словами, а движениями, лёгкими, почти незаметными: прогиб в спине, дрожь в бёдрах, пальцы, сжавшие мои плечи. Её сердцебиение я чувствовал не только ладонями — оно отдавалось в моей груди, как далёкий барабан, учащаясь с каждым моим движением. Хвост, до этого неподвижно лежавший на полу, обвил её лодыжку — мягко, успокаивающе. Она дёрнулась, но не отстранилась. Хвост скользнул выше, по голени, и я знал этот жест: он означал удовлетворение. Даже он был доволен.

А потом я позволил себе зайти дальше.

Мои губы двинулись туда, где, как думаю, мало кто бывал, если учитывать именно её. Она замерла. Я услышал, как перехватывает её дыхание. Она не знала, чего ожидать. И именно это — её незнание, её невинность — делало каждый её вздох особенным.

Я был осторожен. Медлен. Моё дыхание согревало её кожу, а прикосновения были едва ощутимыми — ровно настолько, чтобы она успевала привыкать. Напряжение в её теле сменялось негой. А страх уступал место удивлению. От происходящего её аура начинала пульсировать в такт моим движениям. Так было правильно. Так было нужно.

Она явно не знала, что с ней происходит. И никогда не испытывала ничего подобного раньше. Внутри неё зарождался вихрь. Смесь силы, желания и ментального единения с этим миром. Я не торопил. Я просто продолжал — мягко, ритмично, неумолимо.

А потом она вскрикнула. Это был не крик боли. Скорее — изумления. Её тело выгнулось дугой, пальцы сжались на моих плечах, и она издала звук — тонкий, рваный, полный такого чистого, незамутнённого потрясения, что я позволил себе короткую, довольную усмешку. Хвост дёрнулся — я знал этот жест. Он означал удовлетворение. Даже он был доволен.

— О боги... — выдохнула она. — Нет... не боги. Демоны...
ДЕМОН!!!

Её тело содрогнулось — в первый раз в жизни испытал то, чему её не учили в Академии и чему невозможно научиться по учебникам. Когда она выгнулась, я увидел, как по её коже пробежала рябь — не дрожь, а магия. Чистая, необузданная, вырвавшаяся из-под контроля. Она была сильнее, чем сама думала. Магический фон вокруг нас вспыхнул яркой, неконтролируемой искрой и погас, рассыпавшись по комнате бледными огоньками. Её аура соприкоснулась с моей — и на мгновение я почувствовал то, чего не чувствовал уже очень давно. Отголосок чего-то... живого. Человеческого. Тёплого.

Я дал ей отдышаться. И, когда её дыхание немного выровнялось, позволил себе двинуться дальше. Медленно, осторожно. Наши тела сблизились, соединились.

Одного движения хватило. Она вскрикнула — коротко, сдавленно. Пальцы вцепились в мои плечи. А я замер. Не от шока — от неожиданности. Такой, какая бывает, когда находишь редкий цветок там, где ожидал увидеть сорняк. Сопротивление. Которого не должно было быть.

Я посмотрел на неё. В её глазах стояли слёзы, но в них не было ни упрёка, ни сожаления. Только странная смесь боли и облегчения. Словно она долго ждала этого момента — и вот он настал.

— Надо же, — произнёс я, добавив в голос чуточку удивления, так как всё понял. — Ты не убрала её магией. Я думал, в Академии этому учат на первом курсе.

Она моргнула, и по щеке скатилась одинокая слезинка.

— Нас этому не учили, — прошептала она. — Вообще. Я даже не знала, что так можно. У нас боевая магия, теория стихий, демонология... а этого нет в программе.

— Вот как, — я чуть склонил голову набок. — Значит, твои драгоценные магистры считают, что метать фаерболы важнее, чем элементарная забота о себе.

Она шмыгнула носом, но уголок её губ дрогнул.

— Я думала, будет хуже, — призналась она. — Гораздо хуже. А это... терпимо.

— Ты разочарована?

— Нет. — Она покачала головой. — Скорее... удивлена.

Я позволил себе короткую усмешку. Маленькая ведьмочка. Даже сейчас, даже в такой момент, она сохраняла крупицы своего упрямого достоинства.

— Полежи пока, — сказал я, отстраняясь. — Я сейчас.

Она приподнялась на локтях, глядя на меня с любопытством.

— Ты куда?

— Готовить ванну.

— Зачем?

Я усмехнулся, приложив палец к её губам и заставляя замолчать.

— Не всё же тебе меня удивлять, малышка.

Я поднялся, краем глаза отмечая, как она следит за мной — всё ещё румяная, всё ещё сбита с толку, но уже не напуганная. А также видел, что там, в глубине её ауры, уже за-

рождалось то самое томление — тяжёлое, сладкое, требующее продолжения.

Она ещё не знала, что это. Но скоро узнает. Ведь ночь только начиналась.

Оставив её на кровати — раскрасневшуюся, всё ещё пытающуюся отдышаться, — я направился в крошечную комнату за стеной, которую она гордо именovala ванной. Ванна там действительно была: старая, чугунная, с облупившейся по краям эмалью и единственным медным краном, который при повороте издал звук, похожий на предсмертный стон. Воды не было. Разумеется.

Я усмехнулся. Типичная студенческая мансарда. Удобства — по остаточному принципу, магия — только для учёбы. Что ж, придётся исправлять. Выставить что ли счёт Калеасу в следующий раз?

Повинуясь движению моих пальцев, кран задрожал и выплюнул струю ржавой холодной воды, которая через пару секунд стала чистой, прозрачной. Я коснулся края ванны — и та нагрелась быстрее, чем позволяла физика этого мира. От воды повалил пар, затягивая комнату плотным, влажным туманом. Ещё один жест — и с потолка сорвались капли, складываясь в плотную, горячую завесу. Душ. Примитивный, но действенный. Вода была горячее даже для меня — а я привык к жару Бездны. Но она, кажется, не заметит температуры вовсе.

Когда я вернулся в комнату, Лия сидела на кровати, завернувшись в простыню. При виде меня она инстинктивно подтянула ткань выше — но не отвела взгляда. Уже прогресс.

— Иди сюда, — сказал я, протягивая руку.

Она колебалась ровно мгновение. Потом вложила ладонь в мою — маленькую, горячую, но твёрдую — и позволила поднять себя с кровати. Простыня соскользнула с плеч, но она не стала её подхватывать.

— Там горячая вода, — добавил я. — И не нужно на меня так смотреть. Я не собираюсь швырять тебя в кипяток.

Она фыркнула — тихо, почти беззвучно, — но уголки губ дрогнули. Я подхватил её на руки и понёс в ванную.

Пар уже заполнил комнатку, превратив её в подобие облака. Я поставил Лию на ноги прямо под потоки горячей воды, и она охнула — не от боли, от удовольствия. Вода стекала по её плечам, спине, запутывалась в волосах, смывая остатки страха, напряжения, сомнений. Я шагнул следом, и струи ударили по моей груди, заставляя узоры на коже вспыхнуть ярче.

Лия повернулась ко мне. С её ресниц срывались капли. Она смотрела снизу вверх — всё с тем же любопытством, что я видел и раньше. Она воспринимала всё как интересное приключение. Что ж, не буду её разочаровывать.

— Ты специально, — сказала она.

— Что именно?

— Всё это. Ванна. Вода. Чтобы я расслабилась.

— Работает?

Вместо ответа она приподнялась на цыпочки и поцеловала меня. Вода текла по нашим лицам, но она, кажется, этого не замечала. Её руки легли на мои плечи, скользнули выше, запутались в мокрых волосах на затылке. Поцелуй был неумелым, но искренним — и гораздо более смелым, чем все предыдущие.

Я ответил. Не глубоко, не требовательно — но давая понять, что этот порыв принят. Её тело прижалось ко мне — мокрое, горячее, всё ещё дрожащее, но теперь не от страха. От нетерпения. Я чувствовал это по тому, как участился её пульс, как вспыхнула аура.

— Вода остывает, — заметил я, отстраняясь.

— Тогда не будем терять время.

Я помог ей забраться в ванну. Она опустилась в горячую воду с тихим, блаженным вздохом, откинула голову на край, прикрыла глаза. Пар клубился над поверхностью, скрывая её тело, но я видел, как она расслабляется — по-настоящему, впервые за всю ночь.

Я вошёл следом. Вода поднялась выше, переливаясь через край. Лия открыла глаза и посмотрела на меня — с тем самым выражением, которое я уже научился узнавать. Любопытство плюс упрямство плюс что-то, чего она сама ещё не понимала, но что заставляло её двигаться вперёд.

— Можно... — она запнулась, но тут же вскинула подбородок. — Можно я теперь сверху?

Я приподнял бровь. Удивление — лёгкое, почти приятное.

— Ты, кажется, говорила, что совершенно неопытна.

— Я быстро учусь.

Что ж, в последнем я и не сомневался. Я откинулся на спину, позволяя горячей воде окутать меня, и чуть развёл руки, приглашая. Лия пересела — вода заплескалась о края — и оказалась надо мной. Хвост скользнул по её спине — не настойчиво, просто обозначая присутствие. Она вздрогнула, но не отстранилась.

Её ладони легли на мои плечи. Неуверенно, но решительно. Она смотрела мне в глаза, и в её взгляде больше не было страха. Только сосредоточенность студентки, которая взялась за новое, неизведанное заклинание и намерена выполнить его безупречно. Я мысленно усмехнулся. Даже здесь она оставалась отличницей.

Она двинулась — медленно, неуверенно, прикусив губу от старания. Я почувствовал, как напряжение возвращается в её тело, но теперь оно было другим — не страх, а попытка поймать ритм, найти верное движение, понять, как именно нужно. Вода плескалась вокруг нас, заглушая звуки, но я слышал её дыхание — частое, сбивчивое, полное того самого азарта, который я уже видел в ней раньше. Того самого, что заставил её украсть свиток и призвать меня.

Её узоры — не демонические, человеческие, магические — пульсировали в такт моим. Я видел, как её аура налива-

ется светом, как резерв, ещё недавно опустошённый, теперь переполняется силой. Моя магия и её магия сплетались где-то на границе наших тел, создавая что-то третье — общее.

— Вот так? — прошептала она, и в её голосе прозвучала та самая, знакомая нотка: гордость пополам с надеждой на одобрение.

— Почти, — ответил я. — Не торопись. Ты не на экзамене.

— Ты так думаешь? — она улыбнулась — впервые за всю ночь по-настоящему. — А мне кажется, что это и есть экзамен. Самый важный.

Она снова двинулась — и на этот раз поймала ритм. Медленный, глубокий, завораживающий. Вода больше не плескалась — она колыхалась, как живое существо, вторя нашим движениям. Пар окутывал нас плотной завесой, и в этом тумане не было ничего, кроме её глаз, её дыхания, её тела, прижавшегося ко мне.

Я не вмешивался. Я лежал, позволяя ей вести, и смотрел, как она учится. Это было... любопытно. Непривычно. И — я не мог не признать — приятно. Не столько физически, сколько эстетически. Она была как неогранённый камень, который прямо сейчас, у меня на глазах, превращался в драгоценность.

Движения стали увереннее. Дыхание — глубже. Аура разгоралась всё ярче, и я видел, как её сила растёт — не только магическая, но и внутренняя. Та, что не измеряется ре-

зервом. Она перестала быть испуганной девочкой, которая несколько часов назад вызывала демона по глупости. Она становилась кем-то другим. Кем-то, кто знал, чего хочет.

А потом она выгнулась, запрокинув голову, и издала тот самый звук — тихий, рваный, полный изумления. Её тело содрогнулось, и на этот раз я почувствовал это вместе с ней — как волна прошла от неё ко мне, как её магия вспыхнула и опала, смешиваясь с моей. Её аура соприкоснулась с моей — и на мгновение я снова почувствовал то, чего не чувствовал уже очень давно. Отголосок чего-то... живого. Человеческого. Тёплого.

Она рухнула на мою грудь, тяжело дыша. Горячая вода плеснулась о края ванны, но никто из нас не обратил на это внимания.

— Экзамен сдан, — пробормотал я, убирая мокрую прядь с её лица. — На твёрдую «хорошо».

— Я думала, демоны не выставляют оценок, — пробормотала она, всё ещё не поднимая головы.

— Я делаю исключение для особо старательных студентов.

— Только «хорошо»? — возмутилась она, наконец поднимая взгляд.

— «Отлично» будет в следующий раз.

— В следующий раз? — она приподнялась, глядя на меня с недоверием.

— Ночь ещё не закончилась, маленькая ведьмочка. И, ка-

жется, ты не из тех, кто останавливается на достигнутом.

— Я тебя удивила? — спросила она с той самой интонацией, в которой смешались гордость и надежда.

Я посмотрел на неё — растрёпанную, покрасневшую, с горящими зелёными глазами, в которых больше не было ни страха, ни стыда. Только азарт. И любопытство. И что-то ещё, чему она сама пока не могла подобрать названия.

— Да, маленькая ведьмочка, — ответил я. — Удивила.

Она улыбнулась — устало, но довольно — и снова уронила голову на мою грудь. Вода остывала, но я не торопился её подогревать. Время ещё было. И я не собирался тратить его впустую.

Лия задремала на моей груди — вымотанная, но не сломленная. И, кажется, впервые за всю ночь по-настоящему спокойная. Её дыхание выровнялось, сердцебиение замедлилось. А аура — её разросшаяся, наполненная силой аура — мягко пульсировала в такт моей.

Я смотрел на неё и думал о том, что эта ночь определённо стоила испорченного вечера с демонессой. И о том, что Калеас, старый пройдоха, будет в ярости, когда узнает. И о том, что эта маленькая ведьмочка ещё себя покажет.

Но это будет потом.

А сейчас — вода, пар и спящая на моей груди ученица, которая сегодня стала кем-то большим, чем была вчера.

Глава 6. Достижение

Лия Солорен

Рейван вынес меня из ванны на руках. Снова. Кажется, это становилось привычкой — и я не была уверена, что хочу от неё избавляться.

Вода капала с моих волос, стекала по плечам, по спине, но мне не было холодно. Его жар — этот странный, демонический жар, пульсирующий под кожей — окутывал меня, как нагретая солнцем ткань. Я прижималась к его груди, смотря на узоры на его коже, вспыхивающие и гаснувшие в такт его дыханию, и думала.

"Боги. То есть — демоны. Один конкретный демон. Симпатичный до невозможности. Что я творю?"

Ответа, на этот насущный вопрос, у меня не было. Вернее, ответ был, но он мне не нравился. Я творила то, что ещё несколько часов назад считала для себя абсолютно невыносимым. Я, Лия Солорен, ученица третьего курса, дочь подмастерья, девочка, которая краснела при слове «отношения» и прятала глаза, когда старшекурсницы начинали свои обычные разговоры, я делала как раз то, о чем стыдливо старалась даже не думать. И мне нравилось.

Вот последнее пугало больше всего. Мне нравилось! Не просто "терпимо". Не "я должна выполнить сделку". А по-настоящему. Так, что внутри всё переворачивалось от одно-

го его взгляда. Так, что моё тело отвечало ему раньше, чем я успевала подумать. Так, что я сама, по собственной воле, попросила его — нет, не попросила, потребовала — дать мне возможность вести. И вела. И справилась. Получив больше, о чем думала и чему верила.

Куда подевалась та скромная ученица, которая краснела как помидор при одном намёке на близость? Я не знала. Может быть, она осталась где-то там, в прошлом, вместе с кругом призыва и моими страхами. Может быть, её вытеснила я нынешняя — та, что стояла на коленях перед демоном, а потом лежала с ним в одной постеле и ванне, и не чувствовала ничего, кроме жадного, жгучего любопытства: *"А что дальше?"*

Рейван дошел до кровати и уложил меня на нее. Простыни всё ещё были смяты, пахли нами — не мылом, а магией, грозой. Я лежала на спине и смотрела, как он нависает надо мной — большой, горячий, с этими невозможными жёлтыми глазами, в которых плясали искры.

И я не боялась.

Совсем.

Вот что было странно. Ещё час назад я дрожала от одной мысли о том, что он сделает. А теперь... теперь я хотела, чтобы он сделал это снова. И снова. И снова. Я хотела знать, сколько ещё граней у этого ощущения. Сколько ещё неизведанного скрывается за его прикосновениями, за его поцелуями, за ритмом, который мы находили вместе.

Он, кажется, что-то прочитал в моём лице. Потому что его губы дрогнули в знакомой, насмешливой полуулыбке:

— У тебя такой взгляд, будто ты собираешься попросить добавки.

— А если и так? — вырвалось у меня раньше, чем я успела подумать.

"Кто это сейчас сказал? Я?! Серьёзно?!!!!"

Он усмехнулся. Открыто и довольно.

— Тогда кто я такой, чтобы отказывать?

И всё началось снова. Нет, не так. Всё началось иначе. В прошлый раз я была ведомой — испуганной, неуверенной, цепляющейся за него, как за единственную опору. Теперь я была... другой. Я сама тянулась к нему. Сама находила ритм. Мои пальцы скользили по его плечам, по спине, по узорам, которые вспыхивали под моими прикосновениями. Я слышала своё дыхание — частое, рваное, — и не узнавала его. Я слышала свой голос — тихие, сдавленные стоны, — и не верила, что это я.

Где-то на краю сознания продолжала биться мысль: *"Лия, что ты делаешь? Остановись. Это же ты. Ты, которая пряталась в библиотеке от разговоров старшекурсниц. Ты, которая считала всё это грязным и унижительным"*.

А другая часть меня — та, что проснулась сегодня впервые в жизни, — отвечала: *"Нет. Не останавливайся. Ещё. Пожалуйста"*.

И первая часть, не в силах противиться, замолкала.

Потому что это не было грязным. Не было унижительным. Это было... правильным. Станным, пугающим, совершенно нелогичным — но правильным. Словно я всю жизнь шла к этому моменту, сама того не зная.

Как и того, что я не знала, сколько прошло времени. Минуты? Часы? Свеча на комодке давно погасла, и только свет его узоров — зелёное золото, пульсирующее в такт нашему общему ритму, — освещал комнату. Кровать скрипела под нами, и этот звук больше не смущал меня. Ничто не смущало.

Я больше не была той девочкой, которая краснела при слове «отношения».

Я была кем-то новым. И этот кто-то мне нравился.

А потом он подхватил меня на руки и понёс к окну.

— Что ты делаешь? — спросила я, хотя ответ был очевиден.

— Расширяю твой кругозор.

Окно было всё ещё открыто — то самое, через которое он уходил и возвращался. Ночной воздух, прохладный и влажный, коснулся моей разгорячённой кожи. Внизу, под нами, спал город — тёмные крыши, редкие огни фонарей, серебряная лента реки где-то вдалеке.

— Там же... — начала я.

— Там никого нет, — перебил он. — Третий этаж. Тёмное время суток. Спящий квартал. Никто тебя не увидит.

Он посадил меня на подоконник. Камень был холодным, и

этот контраст с его жаром заставил меня вздрогнуть. Спина коснулась оконной рамы. Я вцепилась пальцами в его плечи — не от страха, а чтобы не упасть.

— Если хочешь остановиться — скажи, — произнёс он.

Я посмотрела в его глаза — жёлтые, светящиеся в темноте. Посмотрела на узоры, пульсирующие на его груди. Посмотрела вниз, на спящий город.

И поняла: я не хочу останавливаться.

Та, прежняя Лия, сейчас бы закричала. Завопила бы от ужаса при одной мысли о том, что кто-то может увидеть. Что кто-то может проснуться, выглянуть в окно, заметить. Но та Лия осталась где-то позади — вместе с кругом призыва, вместе со страхом, вместе с дрожащими коленками и побелевшими костяшками пальцев.

Новая Лия — та, что сидела сейчас на подоконнике третьего этажа, полностью обнажённая, в объятиях Высшего Демона, — не боялась. Ей было всё равно. Даже если кто-то увидит. Даже если кто-то узнает. Это было не важно.

Важно было только одно: его руки на моей талии. Его дыхание на моей шее. И ритм — наш ритм, — который нарастал с каждой секундой, заглушая всё остальное.

— Не хочу, — сказала я. — Не останавливайся.

Он усмехнулся — в темноте блеснули клыки.

— Вот теперь я узнаю ту девочку, которая украла запретный свиток и вызвала Высшего Демона.

Я не ответила. Потому что слов больше не было. Остались

только ощущения: холод камня подо мной, жар его тела надо мной, ночной ветер на коже и звёзды где-то далеко-далеко. И ритм. Наш ритм. Который уносил меня всё дальше от той Лии, которой я была вчера утром.

Когда всё закончилось, я сидела на подоконнике, привалившись спиной к оконной раме, и пыталась отдышаться. Воздух был прохладным, пах ночью, рекой и где-то вдалеке — печным дымом. Город спал. Никто не проснулся. Никто не увидел.

— Как ощущения? — спросил Рейван. Он стоял рядом, опираясь плечом о стену, и смотрел на меня с тем самым выражением — ленивым, довольным, чуть насмешливым.

— Странно, — призналась я. — Но... хорошо.

— «Хорошо»? — он приподнял бровь.

— Очень хорошо, — поправилась я и тут же покраснела. Вот как. Значит, краска никуда не делась. Просто теперь она появлялась по другим поводам. И я не могла не вернуть ему его же слова. — Но до "отлично" не достаточно!

— Все такая же дерзкая! — Хмыкнул он и протянул мне руку.

Я приняла её, сползла с подоконника на нетвёрдых ногах и вдруг поняла, что не чувствую стыда. Совсем. Ни капли. Я стояла перед ним — всё ещё обнажённая, всё ещё тяжело дышащая, — и не испытывала ни малейшего желания прикрыться или отвернуться.

"Куда подевалась та скромная ученица?"

Я не знала. Но, кажется, больше не хотела её возвращать.
— И что теперь? — спросила я.

— Теперь, — он бросил взгляд за окно, где край неба уже начал светлеть, — рассвет. А значит, наше время почти вышло.

У меня внутри что-то ёкнуло. Почти вышло. Значит, он уйдёт. Исчезнет обратно в свою Бездну. А я останусь здесь — с книгами на столе, с резервом, расширенным до невероятных размеров, и с воспоминаниями, которые никто никогда не узнает.

— Жаль, — сказала я прежде, чем успела подумать.

Он обернулся. Посмотрел на меня — долгим, изучающим взглядом.

— Жаль? — переспросил он.

Я вскинула подбородок:

— Я же сказала — не останавливайся. А ты остановился.

Он расхохотался — тихо, низко, с той самой бархатной вибрацией, от которой у меня всё внутри переворачивалось.

— Ты никогда не перестанешь меня удивлять, маленькая ведьмочка.

— Это хорошо или плохо?

— Это интересно, — ответил он. — А интересно — это лучше, чем хорошо. Запомни это.

Я запомнила.

Мы вернулись от окна к кровати — не сговариваясь, просто потому, что стоять было уже невозможно, а сидеть на

подоконнике — холодно. Или мне так казалось после того, как его жар перестал меня обнимать. Я уже не понимала, где заканчивается моё тело и начинается его. Мы двигались как одно целое, и это пугало. Не потому, что было неприятно. Как раз наоборот. Потому что было слишком хорошо.

Он снова поймал мой ритм — или я его, теперь уже не разобрать — и всё началось заново. На этот раз медленнее. Глубже. Словно он знал, что это последний раз за эту ночь, и хотел растянуть каждое мгновение. Я чувствовала каждое его прикосновение так остро, как не чувствовала никогда в жизни. Моя кожа стала сверхчувствительной, магическое ядро пульсировало где-то глубоко внутри, и с каждым движением эта пульсация отдавалась во всём теле — от макушки до кончиков пальцев.

Я уже не думала. Совсем. Мысли исчезли, остались только ощущения: жар его кожи, ритм нашего дыхания, вспышки зелёных узоров, которые разгорались всё ярче, и тихие, низкие звуки, которые он издавал — не стоны, а скорее вибрация, от которой у меня всё внутри сжималось в тугую, сладкий узел.

А потом мир снова, уже даже не сосчитаю в какой раз, взорвался.

Нет, не мир. Я. Взорвалась я — изнутри, как сверхновая звезда, на части, на атомы, на что-то, что уже не было мной прежней. Я почувствовала, как он тоже содрогнулся — сильно, глубоко, — и в этот же миг меня накрыло волной. Не

просто удовольствием. Чем-то большим. Чистой магией, которая хлынула от него ко мне, заполняя все пустоты, все трещины, всё, что раньше было моим обычным, человеческим резервом.

Я не закричала. Не было сил. Только выдохнула — длинно, прерывисто, куда-то в его плечо. И закрыла глаза.

Когда я открыла их снова — спустя мгновение или спустя вечность, не знаю, — сквозь окно лился свет.

Первый луч рассвета. Розово-золотой, нежный, как прикосновение. Он упал на пол, на смятые простыни, на мою руку, всё ещё лежавшую на его груди. Я перевела взгляд — и увидела, как узоры на его коже начали гаснуть. Медленно, один за другим, словно свечи, которые задует невидимый ветер.

Он исчезал.

Не было ни вспышки, ни хлопка, ни прощальных слов. Только тишина — глубокая, звенящая, — и запах озона, который ещё несколько мгновений висел в воздухе, прежде чем раствориться в утренней прохладе.

Я лежала на кровати одна.

Села. Не сразу — тело слушалось плохо, мышцы были ватными, а в голове стоял странный, звенящий туман. Но это была не слабость. Это было... насыщение. Переполненность. Как будто я выпила целое море магии и теперь оно плескалось внутри меня, раздвигая берега.

Я встала. Нетвёрдо, покачиваясь, но встала. Подошла к

зеркалу — маленькому, в простой деревянной раме, висевшему над комодом. И замерла.

На меня смотрела незнакомка.

Нет, черты были те же: чёрные волосы до плеч, зелёные глаза, нос с лёгкой горбинкой, которую я всегда недолюбливала. Но что-то изменилось. Не в чертах — в выражении. Во взгляде. В том, как она держала голову.

До этой ночи я смотрела на своё отражение и видела ученицу. Девочку, которая вечно недоотягивает. Которая краснеет от грубых слов. Которая прячется за учебниками, потому что там безопаснее, чем среди людей.

Теперь на меня смотрела женщина.

У неё были спутанные волосы и припухшие губы. На плече темнел след от поцелуя — или от когтя? — уже почти заживший, но всё ещё заметный. Кожа светилась — нет, не светилась, это было другое. Магия, которую я привыкла ощущать как тонкую струйку, теперь пульсировала во мне, как вторая кровь. Я видела её — не глазами, но внутренним зрением, — и она была плотной, яркой, живой.

Я поднесла руку к лицу. Сжала пальцы в кулак. Разжала. Мелкие искры пробежали по костяшкам — не зелёные, как у него, а серебристые, мои собственные. Но такие яркие, каких я никогда раньше не видела.

Мой резерв расширился. Нет — не так. Мой резерв изменился. Он больше не был тем, что вчера. Он стал глубже, шире, плотнее. Я чувствовала, как магия течёт по моим ка-

налам — не тонким ручейком, а полноводной рекой. Спокойной, мощной, готовой откликнуться в любой момент.

Я опустила руку и усмехнулась — не криво, не жестоко, а просто... с удивлением.

«Какая невероятная ночь», — подумала я.

Не вслух. Про себя. Но эта мысль была наполнена таким тёплым, неожиданным чувством, что я на мгновение прикрыла глаза.

А когда открыла — повернулась к столу. Там лежали книги. Шесть фолиантов — первые четыре, что я просила, и ещё два, которые он принёс из тайной ниши. Я подошла, провела ладонью по кожаному переплёту верхнего тома. «Путь пустоты». Я не знала, что это за книга. Но я знала, что он принёс её не просто так.

Рейван не прощался. Не обещал вернуться. Не говорил лишних слов. Но эти книги — особенно две последние — были его молчаливым напутствием. Его признанием того, что эта ночь для него тоже что-то значила. Пусть он никогда в этом не сознается.

Я подошла к окну — тому самому, на котором сидела полчаса назад, не стесняясь никого и ничего. Открыла его настежь. Утренний ветер ударил в лицо — прохладный, влажный, пахнущий рекой. Внизу просыпался город: где-то скрипнула телега, где-то перекликнулись первые прохожие. Обычный день. Обычные люди.

Но я больше не была обычной.

Я стояла у окна, подставив лицо рассвету, и чувствовала, как внутри меня пульсирует новая, мощная магия. Его магия. Или уже моя? Наверное, и то, и другое. Что-то общее. Что-то, что связало нас этой ночью — и осталось со мной навсегда.

Я не знала, увижу ли его снова. Не знала, что будет дальше с этими книгами, с Академией, с моей жизнью. Но я знала одно.

Эта ночь меня изменила.

Не сломала. Не ожесточила. Не превратила в циничную хищницу, которая смотрит на мир свысока. Нет. Она просто... открыла что-то, что всегда было внутри, но спало. Способность чувствовать. Способность принимать. Способность брать то, что предлагает жизнь, и не бояться этого. Способность смотреть в глаза Высшему Демону — и не отводить взгляд.

Я улыбнулась своему отражению в оконном стекле.

— Спасибо, — сказала я вслух. В пустоту. В рассвет. В Бездну, откуда он пришёл.

И он, наверное, не услышал.

Но я сказала.

Часть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.